

Сильвия Финч гадает, как долго она еще выдержит.

*Шаг, другой, замшевые туфельки темнеют,
промокая в осенних лужах.*

*Смерть витает вокруг нее, как легкий туман.
Пропитывает ее волосы и одежду.
Наверняка прохожие это замечают.*

*Можно ли избавиться от этого? Сильвия надеется,
что да, и одновременно надеется, что нет.*

*Когда ей в последний раз по-настоящему везло?
Когда случилось такое, что дало бы надежду?*

*Пока Сильвия набирает код замка,
из-за туч прорывается солнце.*

Она заходит в здание.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*Друзья вас непременно
навестят*

В следующий четверг...

— Одна женщина из Рёскин-корта сказала мне, что сидит на диете, — сообщает Джойс, допивая вино из бокала. — В восемьдесят два!

— Ходунки полнят, — говорит Рон. — Рядом с их тонкими ножками кажешься толще.

— Кому нужна диета в восемьдесят два года? — вопрошает Джойс. — Что с тобой случится от сосиски в тесте? Убьет она тебя? Пусть сперва встанет в очередь!

Очередное собрание Клуба убийств по четвергам подходит к концу. На этой неделе рассматривали очень старое дело владельца газетного киоска из Гастингса. Мужчина пристрелил из арбалета вломившегося к нему незваного гостя. Киоскера сперва арестовали, но затем вмешались СМИ, единодушно заявив, что человек — ради всего святого! — имеет право защищать с оружием свою собственность. Так он оказался на свободе с гордо поднятой головой.

Правда, спустя месяц или около того полиция обнаружила, что убитый нарушитель встречался с юной дочерью киоскера, а за самим киоскером числилось немало «нанесений тяжких телесных повреждений», но к тому времени все забылось. В конце концов, это был 1975 год. Никакого видеонаблюдения, да и шум поднимать никто не захотел.

— Как вы думаете, собака — хороший компаньон? — спрашивает Джойс. — Я размышляю, то ли собаку мне завести, то ли «Инстаграм».

— Я не советовал бы, — отзывается Ибрагим.

— Да ты ничего не советовал бы, — говорит Рон.

— В общем-то да, — соглашается Ибрагим.

— Я имею в виду небольшую собаку, конечно, — объясняет Джойс. — Для большой у меня нет подходящего пылесоса.

Джойс, Рон, Ибрагим и Элизабет наслаждаются обедом в ресторане, расположенном в самом сердце поселка Куперсчейз. На столике перед ними — бутылка красного вина и бутылка белого. На часах — примерно четверть двенадцатого.

— Только не заводи маленькую собачку, Джойс, — предупреждает Рон. — Маленькие собачки — как маленькие мужчины. Вечно пытаются что-то доказать. Тявкают как ненормальные, облаивают машины.

Джойс кивает.

— Тогда, может быть, среднего размера? А, Элизабет?

— М-м-м, неплохая мысль, — отвечает Элизабет, которая вообще-то и не слушает. Да и как она могла слушать, получив такое письмо?

Хотя общую мысль она все же ухватила. Элизабет всегда начеку — ведь никогда не угадаешь, что за важные сведения могут упасть прямо тебе в руки. За свою жизнь она наслушалась всякого. Обрывок разговора в берлинском баре, болтовня русского матроса, сошедшего на берег в Триполи... А сегодня, в сонный кентский четверг, за обедом в поселке пенсионеров выяснилось, что Джойс вздумала завести собаку, завязалась дискуссия о размерах, Ибрагим сомневается. Но у Элизабет на уме другое.

Письмо было подсунуто под ее дверь невидимой рукой.

Милая Элизабет,

помнишь ли ты меня? Возможно, и нет, но я без всякого зазнайства полагаю, что могла бы запомнить.

Жизнь снова сотворила чудо, и я, переехав на этой неделе, узнал, что мы теперь соседи! Какая компания для меня! Ты, верно, скажешь: «Пуускают теперь кого попало!»

Да, мы давненько не виделись, но, думаю, чудесно будет возобновить знакомство спустя столько лет.

Не зайдешь ли ко мне выпить в Рёскин-корт, 14? Устроим небольшой праздник в честь новоселья. Если да, как насчет завтра в три часа дня? Можешь не отвечать, все равно буду ждать тебя с бутылочкой вина.

Право, я буду рад тебя увидеть! Так много всего нужно обсудить! Сколько воды утекло под тем мостом и так далее...

Я очень надеюсь, что ты меня помнишь, и очень надеюсь завтра с тобой встретиться.

Твой старый друг,

Маркус Кармайкл

С тех пор письмо не выходило у Элизабет из головы.

В последний раз она видела Маркуса Кармайкла в ноябре 1981 года, очень темной и холодной ночью у моста Ламбет; вода в Темзе стояла низко, и пар от нее клубился в морозном воздухе. Они прибыли туда группой, по одному человеку каждой специальности, с Элизабет во главе. Приехали в белом фургоне «Форд-Транзит», облезлом снаружи и, судя по надписи, принадлежавшем фирме «Г. Проктор: окна, водостоки, любые работы»; однако внутри фургон блестел и был битком набит разными кнопками и экранами. Молодой констебль натянул сигнальную ленту вокруг участка береговой полосы и набережной Альберта.

Элизабет и ее команда, рискуя жизнью, спустились по скользким замшелым ступеням. Отлив оставил на берегу труп — почти в сидячем положении, он был прислонен к ближайшей каменной опоре моста. Элизабет проследила, чтобы необходимые процедуры провели по всей форме. Один из членов ее группы осмотрел одежду и обшарил карманы толстого пальто, фотограф — молодая женщина из Хайгейта — сделала снимки, а врач констатировал смерть. Очевидно, покойник спрыгнул в Темзу выше по течению. Или его столкнули. Решать как и что — дело коронера. Все будет зафиксировано в докладе и передано кому следует, а Элизабет просто поставит подпись внизу листа. Чисто и аккуратно.

Обратный путь по скользким ступеням с трупом на армейских носилках занял некоторое время. Молодой констебль, взволнованный тем, что его пригласили на осмотр тела, упал и сломал лодыжку. Только этого им не хватало. Ему объяснили, что пока не смогут вызвать скорую, и он принял это вполне достойно. Через несколько

месяцев констебль получил непредвиденное повышение по службе, так что страдал не так уж долго.

Наконец ее маленький отряд добрался до набережной и загрузил труп в белый фургон «любые работы».

Все разошлись, за исключением Элизабет и врача, которые отправились сопроводить тело до хэмпширского морга. Она прежде не работала с этим врачом: грузный, краснолицый, с сединой в темных усах — в целом довольно интересный человек. Запоминающийся. Пока доктор не задремал, они поговорили об эвтаназии и крикете.

Ибрагим жестикулирует бокалом.

— Боюсь, я вообще не рекомендовал бы вам заводить собаку, Джойс, ни маленькую, ни среднюю, ни большую. В вашем-то возрасте.

— Ну начинается, — вставляет Рон.

— Средняя собака, — рассуждает Ибрагим, — вроде терьера или, к примеру, джек-рассела, живет около четырнадцати лет.

— Кто это тебе сказал? — спрашивает Рон.

— Это мне сказали в клубе собаководства, так что все вопросы к ним, Рон. У тебя есть к ним вопросы?

— Нет, мне хватает тебя.

— Так вот, Джойс, — продолжает Ибрагим. — Вам семьдесят семь?

— В следующем году будет семьдесят восемь, — кивает Джойс.

— Само собой, — соглашается Ибрагим. — Итак, давайте посмотрим, какова ожидаемая продолжительность жизни для человека семидесяти семи лет.

— О да! — радуется Джойс. — Я очень люблю такие вещи. Как-то раз на причале мне погадали на Таро. Гадалка пообещала, что я разбогатею.

— В частности, мы должны определить, каковы ваши шансы прожить дольше, чем живет собака среднего размера.

— Не понимаю, почему ты так и не женился, старина, — обращается к Ибрагиму Рон, доставая из стоящего на столе кулера белое вино. — С твоим-то красноречьем! Кому добавить?

— Спасибо, Рон, — говорит Джойс. — Лей до краев, чтобы не пришлось доливать.

Ибрагим продолжает:

— Имеется пятьдесят один процент вероятности, что семидесятисемилетняя женщина проживет еще пятнадцать лет.

— Славно, — отзывается Джойс. — Кстати, я так и не разбогатела.

— Итак, если вы сейчас возьмете собаку, Джойс, переживете ли вы ее? Вот в чем вопрос.

— Я чисто назло пережил бы, — заявляет Рон. — Мы с ней сидели бы по углам и тарасились бы друг на друга: чья возьмет. Я не уступил бы. Это как в семьдесят восьмом на переговорах с Британской автомобилестроительной компанией. Когда один из них первым вышел отлить, я понял, что мы их сделаем. — Рон глотнул вина. — Никогда не уходи в туалет первым. Хоть узлом завяжись, но с места не двигайся.

— Посмотрим правде в глаза, Джойс, — продолжает Ибрагим. — Может, да, а может, и нет. Пятьдесят один

процент. Все равно что монетку подкинуть, и, по моему мнению, так рисковать не стоит. Человек не должен умирать раньше своей собаки.

— Это что, древнеегипетская поговорка или наставление старого психотерапевта? — интересуется Джойс. — Или вы только что это придумали?

Ибрагим снова чокается с Джойс бокалом, давая понять, что с мудростями еще не закончил.

— Умирать надо раньше детей, потому что их мы научили жить без нас. Но нельзя умирать раньше собаки. Ее мы учим жить с нами.

— Ну спасибо, Ибрагим, вы дали мне пищу для размышлений, — говорит Джойс. — Хотя звучит это все несколько бездушно. Как тебе кажется, Элизабет?

Элизабет ее слышит, но мысленно она все еще едет в белом фургоне с трупом и усатым доктором. Это не единственный подобный случай в карьере Элизабет, однако достаточно необычный, чтобы запомниться: всякий, кто знал Маркуса Кармайкла, с этим согласился бы.

— А ты сломай систему Ибрагима, — советует она. — Возьми старую собаку.

И вот опять Кармайкл, столько лет спустя. Что ему надо? Дружеская беседа? Уютный вечер воспоминаний у зажженного камина? Кто знает.

Счет подает новая официантка. Зовут ее Поппи, на запястье у нее вытатуирована маргаритка. Поппи работает в ресторане уже две недели, но пока показывает не лучшие результаты.

— Вы принесли нам счет двенадцатого стола, Поппи, — замечает Рон.

Поппи кивает:

— Ой, да... вот я дурочка... А это какой?

— Пятнадцатый, — отвечает Рон. — Это можно узнать по большому номеру «пятнадцать» на свече.

— Извините, — смущается Поппи. — Всего-то и нужно запомнить, что гости будут есть, принести им заказы, и еще номера... Рано или поздно я с этим разберусь.

Она уходит обратно на кухню.

— Очень дружелюбная девушка, — говорит Ибрагим, — но для этой роли она плохо подходит.

— Зато у нее прекрасный маникюр, — вставляет Джойс. — Безупречный. Верно ведь, безупречный, Элизабет?

— Безупречный, — кивает Элизабет.

И это не единственное, что она заметила у Поппи, которая появилась здесь невесть откуда со своим маникюром и незнанием дела. Но сейчас у Элизабет на уме другое, поэтому загадка Поппи подождет до другого раза.

Элизабет повторяет в уме текст письма:

«...Помнишь ли ты меня?... Сколько воды утекло под тем мостом...»

Помнит ли Элизабет Маркуса Кармайкла? Смешной вопрос! Мертвое тело Маркуса Кармайкла она нашла во время отлива под мостом через Темзу. Глухой ночью она помогала поднимать его по скользким ступеням. Она сидела в шаге от него в белом «Транзите» с рекламой службы мытья окон и чистки водосточков. Она сообщила о его смерти молодой жене и, отдавая дань приличиям, стояла у могилы на похоронах.

Джойс

Мне так хочется, чтобы опять произошло что-нибудь волнующее. Все равно что.

Может, пожар, но чтобы без пострадавших? Только пламя и пожарные машины. Мы соберемся поглазеть, прихватив термосы, а Рон будет выкрикивать советы пожарным. Или пускай у кого-нибудь случится роман, это было бы весело. Желательно у меня, но я не жадная, лишь бы роман был скандальный, — например, с большой разницей в возрасте, или чтобы кому-то в итоге пришлось заменять бедренный сустав. Либо роман между геями. У нас в Куперсчейзе их пока нет, но, по-моему, все обрадовались бы. Либо чтобы чей-то внук угодил в тюрьму. Либо наводнение, но чтобы нас не залило. Вы понимаете, что я имею в виду?

Как подумаешь, сколько народу в последнее время умерло, трудно снова пойти слоняться по садовому центру или пересматривать старые эпизоды «Таггерта»*. Хотя «Таггерт» я люблю.

Когда я работала медсестрой, пациенты то и дело умирали. Так и валялись направо и налево. Не подумайте чего, я никого не убивала, хотя мне это было бы просто проверить. Проще, чем врачам. Врачей постоянно

---

* «Таггерт» (англ. Taggart) — шотландский детективный телесериал, который транслировался в Британии с 1983 по 2010 год. *Прим. ред.*

проверяют. Может, в наше время проверяют всех, но, ручаюсь, подобное и сейчас можно устроить, случись подходящее настроение.

Ибрагим не хочет, чтобы я заводила собаку, но я уверена: он передумает. Оглянуться не успеем, как только о собаке и будет говорить. И первым запишется в очередь ее выгуливать. Жаль, что у меня не дошли руки до Ибрагима лет тридцать назад.

Прямо у границы с Сассексом находится центр спасения животных, и кого там только нет. Помимо обычных кошек и собак есть еще ослики, кролики, морские свинки. Никогда не подумала бы, что морские свинки нуждаются в спасении, но, как видно, бывает и такое. Время от времени в нем нуждаются все, так почему бы и не морские свинки? А вы знали, что в Перу их едят? В шоу «Шеф-повар» на днях рассказывали. Просто упомянули, никого не ели.

В приюте много собак из Румынии — их спасают и привозят сюда. Не знаю, как их доставляют, надо будет спросить. Вряд ли набивают собаками самолет. Или большой фургон. Наверное, нашли способ. Рон уверяет, что они лают с иностранным акцентом, но Рон есть Рон!

Мы изучили сайт этого центра спасения, и, честное слово, надо видеть этих собак. Я положила глаз на песика, которого зовут Алан. В характеристике написано: «Терьер, порода неизвестна». Я, как увидела, подумала: и я такая. Алану шесть лет; специалисты говорят, что не стоит менять имена питомцам, ведь они привыкают, но я, как бы на меня ни давили, не стану звать собаку Аланом.

Может, уговорю Ибрагима свозить меня на той неделе. Он в последнее время стал заядлым автомобилистом.

Завтра даже в Файрхэвен собирается. Сразу вылез из своей раковины, как тут начали всех убивать. Ездит туда, сюда и повсюду, будто он Мюррей Уокер*.

Я все думаю, отчего Элизабет за обедом была в таком странном настроении. Слушала и не слышала. Может, что-то со Стефаном? Помните, это ее муж? Или все еще не оправилась после смерти Пенни? Так или иначе, мысли ее чем-то заняты, и уходила она с обеда с какой-то целью. Кому-то это не сулит добра. Одна надежда, что не нам с вами.

Еще я вяжу. Да, можете себе представить!

Я разговорилась с Дейдрой из «Болтливых спиц». Ее муж был французом, но его уже нет в живых — кажется, упал с лестницы, хотя, может, и рак, не припомню. Дейдра вязала маленькие браслетики дружбы для благотворительности и дала мне схему. Они вяжутся в разных цветах — зависит от того, кому вы хотите подарить. Люди платят за них сколько считают нужным, а все деньги идут на благотворительность. Я в свои добавляю пайетки. В схеме пайеток нет, но у меня в ящике завалилось немножко с незапамятных времен.

Я связала красно-бело-голубой браслетик для Элизабет. Это была моя первая попытка, и вышло кривовато, но она отреагировала довольно мило. Я спросила, в какую благотворительную организацию передать ее деньги, и она назвала «Жить с деменцией»; это наш самый откровенный разговор о Стефане за все время знакомства. Не думаю,

---

* Мюррей Уокер — английский журналист, один из наиболее известных комментаторов гонок «Формулы-1». *Прим. ред.*

что она сумеет долго хранить это в себе: деменция идет напролом, и обратного хода у нее нет. Бедная Элизабет. И конечно, бедный Стефан.

Еще я связала браслет дружбы для Богдана. Желтый с синим — по ошибке я решила, что это цвета польского флага. Богдан говорит, что польский флаг красный с белым, и, надо отдать ему должное, он знает точно. Он спросил, не перепутала ли я со шведским, — да, очень может быть. Джерри меня поправил бы. Джерри, как всякий хороший муж, знал наизусть все флаги.

Вчера я видела Богдана с этим браслетом. Он шел на стройплощадку, помахал мне, а на руке у него был браслет — поверх татуировки с бог знает чем. Понимаю, это глупо, но я до сих пор улыбаюсь. Пайетки засияли на солнышке, и я тоже.

Элизабет свой пока не носит, но я ее не виню. Нам с Элизабет для подтверждения дружбы браслеты не требуются.

Вчера ночью мне приснился дом, где мы с Джерри жили после свадьбы. Мы открыли дверь и обнаружили новую комнату, которую раньше не видели, и затем долго обсуждали, как ее обставить.

Не знаю, сколько лет было Джерри в моем сне, я просто знала, что это Джерри; я же выглядела так, как сейчас. Два человека, которые в реальности никогда не встречались, касались друг друга, смеялись, строили планы: здесь поставим цветочный горшок, там — кофейный столик. Столько любви.

Когда я проснулась и вспомнила, что Джерри ушел, мое сердце снова разбилось. Я плакала и плакала. Если бы все

утренние слезы в этом месте были слышны, подозреваю, это походило бы на птичий гомон.

ГЛАВА 4

Еще один славный осенний денек, но воздух покусывает щеки, напоминая, что не так уж много осталось славных деньков. За углом поджидает зима.

На часах — три, и Элизабет несет букет Маркусу Кармайклу. Покойному. Утопленнику — внезапно ожившему, представьте себе, и поселившемуся в Рёскин-корте, 14. Мужчина, которого у нее на глазах опустили в могилу в Хэмпшире, теперь распаковывает коробки и мучается с настройкой вай-фая.

Она проходит «Ивы» — хоспис Куперсчейза. Пока там лежала Пенни, Элизабет заходила туда каждый день — просто посидеть, поболтать, обсудить какую-нибудь интригу и посплетничать со старой подругой, не зная, слышит ли та ее.

Однако Пенни больше нет.

Ночи постепенно удлиняются, и солнце уже опускается за деревья на вершине холма, когда Элизабет добирается до Рёскин-корты и звонит в номер 14. Ничего не происходит. Короткое ожидание, и ее выпускают.

Во всех зданиях работают лифты, но Элизабет, пока может, ходит по лестницам. Лестницы помогают сохранить подвижность коленных и бедренных суставов. К тому же в лифте легко убить человека, когда открываются двери. Бежать некуда, спрятаться негде, да еще сигнал

предупреждает о вашем прибытии. Не то чтобы она опасалась убийц, здесь ничего такого не ожидаешь, но жизненные уроки забывать не стоит. Элизабет никого никогда не убивала в лифте. Однажды в Эссене она видела тело, которое сбросили в лифтовую шахту, но это другое.

На лестничной площадке она поворачивает налево, перекладывает букет в левую руку и стучит в дверь с номером 14. Кто откроет? Что за история? Стоит ли ей волноваться?

Дверь отворяется, и она видит очень знакомое лицо.

Нет, не Маркус Кармайкл, да и откуда бы ему взяться? Но, конечно, этому человеку имя Маркуса Кармайкла знакомо. И известно, что оно привлечет ее внимание.

Да, пожалуй, волноваться ей стоило.

Мужчина красивый и загорелый, песочного цвета волосы с проседью еще крепко держатся на голове. Она и раньше догадывалась, что лысина ему не грозит.

Как вести с ним игру?

— Маркус Кармайкл, я полагаю? — осведомляется Элизабет.

— Да, и я так полагаю, — отвечает мужчина. — Рад тебя видеть, Элизабет. Эти цветы для меня?

— Нет, я просто хожу с цветами, чтобы обратить на себя внимание, — усмехается Элизабет и, когда он провожает ее в комнату, вручает букет.

— Правильно, правильно. Тем не менее я поставлю их в воду. Садись, почувствуй себя как дома.

Он скрывается на кухне.

Элизабет осматривает квартирку. Голо: ни картин, ни украшений, ни единой финтифлюшки. Никаких признаков, что сюда кто-то «въехал». Два кресла — оба такие,

что уже не жалко выбросить, стопка книг на полу, лампа для чтения.

— Мне нравится, как ты обставил квартиру, — говорит Элизабет в сторону кухни.

— Не я выбирал, милая, — отвечает мужчина, возвращаясь в комнату с цветами в чайнике. — Смееу сказать, что приспособлюсь, но планирую все же не задерживаться надолго. Могу я предложить тебе вина?

Он ставит чайник на подоконник.

— Да, пожалуйста.

Элизабет опускается в кресло. Что происходит? Зачем он здесь? И чего хочет от нее сейчас, столько лет спустя? Чего бы ни хотел, это повод для беспокойства. Комната не обставлена, жалюзи закрыты, на двери спальни — висячий замок. Номер четырнадцать в Рёскин-корте выглядит как конспиративная квартира.

Но с чем это связано?

Мужчина возвращается с двумя бокалами красного вина.

— Ты пьешь «Мальбек», если не ошибаюсь?

Элизабет берет у него бокал, и мужчина садится в кресло напротив.

— Не ошибаешься. Какое достижение — не забыть сорт вина, которое я пила в течение всех тех двадцати с лишним лет, что мы общались!

— Мне скоро семьдесят, милая. В мои годы помнить хоть что-нибудь — действительно достижение. Твое здорье! — Он поднимает бокал.

— И твое. — Элизабет поднимает свой. — Много лет прошло.

— Очень много. Но Маркуса Кармайкла ты не забыла.

— Довольно ловкий ход.

Маркус Кармайкл — призрак, порожденный Элизабет. Она была специалистом по этой части: вымышленное лицо, придуманное только для того, чтобы передавать секреты русским. Человек с прошлым, созданным из поддельных документов и постановочных фото. Несуществующий агент, который передает врагу несуществующие секреты. Когда же русские подобралась поближе, желая получить от нового источника побольше, пришло время убить Маркуса Кармайкла. «Одолжить» не востребовавшийся труп из лондонской учебной больницы и похоронить его на хэмпширском кладбище, пригласив молодую машинистку из своих сыграть вдову с заплаканными глазами. И вместе с ним похоронить ложь. Так Маркус Кармайкл стал покойником, не родившись.

— Спасибо, я подумал, что тебя это позабавит. Выглядишь ты хорошо. Прекрасно выглядишь. Как... дай бог памяти... как Стефан? Твой нынешний муж?

— Давай не будем? — вздыхает Элизабет. — Лучше прямо скажи, зачем ты здесь?

Мужчина кивает:

— Конечно, Лиз. Прямой разговор экономит время. Но все-таки — Стефан?

Элизабет задумывается о Стефане. Она оставила его дома, перед работающим телевизором, и надеется, что сейчас он дремлет. Она предпочла бы поскорее вернуться к нему, сесть рядом, чтобы он ее обнял. Она не хочет сидеть здесь, в этой пустой квартире с этим опасным мужчиной. Мужчиной, который убивал у нее

на глазах. Не то приключение, на которое она сегодня рассчитывала. Ей бы Стефана с его поцелуями или Джайс с ее собачками.

Элизабет делает еще глоточек вина.

— Полагаю, ты чего-то хочешь от меня? Как всегда. Мужчина разваливается в кресле.

— Ну да, пожалуй, что хочу. Не слишком обременительная просьба — в сущности, тебя это может даже развлечь. Помнишь, как мы развлекались, Элизабет?

— Мне здесь достаточно местных развлечений, но все равно спасибо.

— А, да, я слышал. Трупы и так далее. Прочел все досье.

— Досье? — переспрашивает Элизабет. Внутри у нее что-то обрывается.

— О, ты расшевелила Лондон, прося людей о разнообразных одолжениях в последние пару месяцев. Финансовые документы, отчеты судмедэкспертизы, даже отставного патологоанатома, кажется, вызвала — раскапывать кости? И думала, это пройдет незамеченным?

Элизабет понимает, как была близорука. Она действительно просила кое-кого о помощи в расследовании смерти Тони Каррана и Яна Вентама, которое затеял их Клуб убийств по четвергам. И в опознании еще одного трупа, захороненного в могиле на холме. Могла бы догадаться, что кто-то где-то берет все на заметку. Нельзя попросить об услуге просто так, безвозмездно. Чем же придется расплачиваться?

— Что тебе от меня нужно? — спрашивает она.

— Всего лишь услуги няньки.

— При ком?

— При мне.

— Зачем тебе нянька?

Мужчина кивает, отпивает вина и наклоняется к ней:

— Дело в том, Элизабет, что я, кажется, вляпался в неприятности.

— Некоторые вещи никогда не меняются, да? Почему бы тебе не рассказать мне об этом?

В замке бряцает ключ, дверь распахивается.

— В кои-то веки вовремя, — говорит мужчина. — Вот она как раз и поможет мне с рассказом. Познакомься с моей укротительницей.

В комнату входит Поппи — новая официантка из ресторана. Она кивает обоим:

— Сэр. Мэм.

— Ну, многое становится понятным, — отмечает Элизабет. — Надеюсь, Поппи, оперативница из вас лучше, чем официантка.

Поппи краснеет.

— Боюсь... честно говоря, не уверена. Но между нами троими: я думаю, даже если завалим дело, нам ничего не грозит.

Опыт Элизабет подсказывает ей, что все тайное рано или поздно становится явным. Поппи отодвигает в сторону чайник с цветами.

— Красивый букет. — И усаживается на подоконник.

— От кого именно не грозит? — уточняет Элизабет.

— Позволь, я начну с самого начала, — говорит мужчина.

— Будь добр, Дуглас, — соглашается Элизабет и допивает свое вино. — Мужем ты был кошмарным, но истории всегда рассказывал замечательно.